

Содержание

Нуреев Р.М. Введение. Эволюция институциональной теории	6
Часть 1. Общая теория институтов	32
Тарасевич В.Н. Институциональная теория: методологические поиски и необходимые гипотезы	32
Гриценко А.А. Институциональная архитектура: объект, теория и методология	49
Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма)	75
Дементьев В.В. Институты, поведение, власть	102
Цирель С.В. "QWERTY-эффекты", "Path Dependence" и закон Седова или возможно ли выращивание устойчивых институтов в России	126
Кочеткова О.В., Нуреев Р.М. Количество заместителей председателей Правительства как индикатор состояния Российской экономики в 1990-е годы	145
Тамбовцев В.Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений	162
Вольчик В.В. Нейтральные рынки, ненейтральные институты и экономическая эволюция	185
Белоусенко М.В. Транзакции и технологии: проблема объединения	205
Розмаинский И.В. Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века	228
Часть 2. Институциональная система постсоветских государств	240
Литвинцева Г.П. Кризис инвестиций как результат несоответствия структурно-технологических характеристик экономики ее институциональному устройству	240
Архиереев С.И. Издержки эксплуатации экономической системы и институциональный транзакционный сектор экономики Украины	263
Пустовийт Р.Ф. Формирование предпринимательской институциональной среды в постсоциалистических странах	286
Тамилина Л.В. Исследование роли институциональных детерминантов экономического роста в странах с переходной экономикой	309
Сумин В.А. Оценка рыночных норм поведения во взаимодействиях индивидов	326
Латов Ю.В., Латова Н.В. Экономическая ментальность как неформальный институт российской экономики	347
Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов	375
Клейнер Г.Б. Институциональные изменения: проектирование, селекция или протезирование?	408

Олейник А.Н. Институциональный трансферт: субъекты и ограничения (Российский случай в глобальном контексте)	434
Нуреев Р.М., Дементьев В.В. Заключение. Формирование постсоветского институционализма.....	446

Введение.

Эволюция институциональной теории

Институционализм в современных экс-советских государствах одновременно и молод, и стар. Он молод, поскольку открыто декларировать свою приверженность к институционализму стало возможным в этих странах лишь лет 15 тому назад. Но он в то же время имеет возраст более столетия, поскольку институционалисты России, Украины и других постсоветских государств могут считать себя наследниками всей истории институциональных исследований, начиная с конца XIX в.

1. «Старый» институционализм как бунт против формализма

Классический либерализм как идеологическая база классической школы.

Институциональная теория возникла и развивалась как оппозиционное учение, альтернативное сначала политической экономии, а потом неоклассическому экономиксу. Не случайно американский экономист Бен Селигмен охарактеризовал старый институционализм как «бунт против формализма» (Селигмен Б., 1968, ч. 1). «Бунт» – потому что институционалисты пытались выдвинуть альтернативную основному учению концепцию, «против формализма» – потому что они стремились отразить в экономической теории не только формальные модели и строгие логические схемы, но и живую жизнь во всем ее многообразии. Чтобы понять причины и закономерности развития институционализма, а также главные направления критики институционалистами основного течения экономической мысли, вспомним методологическую основу «мейнстрима» (main stream – основное течение) – классический либерализм.

Все представители классической политической экономии строили свои концепции на основе единого представления о природе человека, об обществе, о правительстве и т.д. Согласно классической либеральной парадигме, человек имеет собственные интересы, он сам способен отстаивать их в активной автономной деятельности, причем наиболее эффективным образом. Общество при таком подходе рассматривается как совокупность индивидов; «общественные интересы» – как производные от личных; лучшим считается то общество, которое в наибольшей степени позволяет индивидам свободно реализовать их частные интересы. Правительство, по мнению классических либералов, создается свободными людьми для защиты установленных конституцией прав, именно этой функцией государство и должно ограничиваться. Поскольку не существует объективных методов, позволяющих за индивидов определять их предпочтения, то именно индивиды должны сами решать, что правильно и что ложно, максимизируя свою функцию полезности.

Свобода – ключевая категория либеральной доктрины – трактуется либералами как отсутствие принуждения, как синоним автономности и независимости. Публичная власть возникает только в результате соглашения индивидов, и только индивиды могут определить разумные границы этой власти. Равенство понимается как создание равных возможностей (а не как равенство результатов); при этом акцентируется внимание на равной защите прав, установленных конституцией. Суд должен осуществлять защиту прав в соответствии с конституцией и наказывать тех, кто нарушает права других. Экономическая эффективность достигается тогда, когда ресурсы достаются тем, кто может их наилучшим образом использовать (уплатив, соответственно, наибольшую плату). Результатом является Паретоэффективность – ситуация, в которой ни один человек не может улучшить свое благосостояние, не ухудшая тем самым положение других людей.

Четкое определение прав индивидов создает предпосылки для эффективного функционирования рыночной экономики, выявляет ее коренные преимущества в сравнении с другими экономическими системами. «Рыночная экономика, – пишет по этому поводу выдающийся современный американский экономист Джеймс Бьюкенен, – сравнительно более эффективна по трем причинам: она делает стимулы деятельности экономических субъектов совместимыми с производством материальных ценностей; полностью использует локализованную информацию, доступную субъектам только в условиях отдаленности и децентрализации; представляет максимальный простор творческим и изобретательским способностям всех субъектов, действующих подобно потенциальным предпринимателям» (Бьюкенен Дж. М., 1993. С. 105).

Трактовка происхождения государства и права как результата свободного договора свободных индивидов ведет происхождение от популярной в новое время теории «общественного договора» (социального контракта). Эта концепция изначально была иллюзией особого рода – современностью, опрокинутой в прошлое. Она родилась в эпоху религиозных войн, когда освященная традициями феодальная регламентация стала постепенно уступать место сознательному регулированию гражданского общества. Это было время обостренного понимания справедливости; честность и бизнес казались многим несовместимыми. Развитие контрактной этики, культуры соблюдения договоров стало настоятельно необходимым. Происходит коренное переосмысление прав и свобод, дарованных каждому индивиду «от рождения». Основоположником теории общественного договора стал английский философ и экономист Джон Локк (1632-1704). Именно в его трудах (в частности, в "Двух трактатах о правлении") мы находим систематизированное обоснование понятия частной собственности как необходимой предпосылки гражданского общества и договорную интерпретацию полномочий государственной власти (Локк Дж., 1988. С. 262-356).

Теория общественного договора рассматривает свободу как «естественное состояние», основу которого составляют права на жизнь, на свободу и на собственность. Именно эти три права образуют конституционный базис гражданского общества. Каждое из этих прав создает предпосылки для другого, переходит в другое, создает себя как другое. Право на жизнь реализуется в деятельности, подчиненной счастью и выгоде. Право на свободу отрицает политическое рабство, деспотизм. Право на собственность выступает как предпосылка и гарантия этих прав. Свободная деятельность основывается на независимом суждении, индивидуальном выборе и сознательном целеполагании. Свобода совести, слова, печати, собраний выступает как важнейшая предпосылка независимой деятельности, выбора профессий, свободы передвижений.

Конечно, концепция «естественных прав» и «общественного договора» отражала не реальный процесс политогенеза, а программные требования «третьего сословия» в его борьбе с абсолютистским государством. Эта концепция является абстракцией, идеальным образом рыночного хозяйства, где все люди – простые товаропроизводители, действующие в условиях совершенной конкуренции. Таковы были методологические основы классической политической экономии. Чем же она не устраивала институционалистов?

Рождение старого (традиционного) институционализма (конец XIX – первая треть XX вв.). Старый институционализм возник в конце XIX в. и оформился как течение в 1920-1930-х гг. Сформировавшись на американской почве, традиционный институционализм вобрал в себя многие идеи немецкой исторической школы, английских фабианцев, французской социологической традиции. Нельзя отрицать и влияние марксизма на институционализм. Можно сказать, что институционалисты пытались занять «среднюю линию» между экономиксом и марксизмом.

К основоположникам традиционного институционализма относят таких известных экономистов как Торстейн Веблен, Уэсли Клар Митчелл, Джон Ричард Коммонс.

Условной датой рождения институционализма можно считать 1898 г., когда американский экономист Торстейн Веблен (1857-1929) выступил с критикой немецкой исторической школы (особенно, Г. Шмоллера) за чрезмерный эмпиризм. Пытаясь ответить на вопрос «Почему экономика не является эволюционной наукой», он вместо узко экономического предложил междисциплинарный подход, который включал бы социальную философию, антропологию и психологию. Это было попыткой повернуть экономическую теории к социальным проблемам.

В 1899 г. выходит книга Торстейна Веблена «Теория праздного класса. Экономическое изучение институтов». Вдохновленный идеями социал-дарвинизма, Веблен рассматривал естественный отбор институтов. Особое его внимание привлек институт «праздного класса», возникший в процветающей Америке. Он изучал этот институт, как современные ему антропологи изучали обычаи африканских племен. Он считал, что этот институт является частным проявлением «законов хищничества и паразитизма» и задерживает развитие общества в силу инерции, демонстративного расточительства и системы неравного распределения благосостояния (Веблен Т., 1984).

Главной темой работ Т. Веблена и его последователей стала проблема экономической власти. В книге «Теории делового предприятия» (1904) Т. Веблен анализировал дихотомию индустрии и бизнеса. Он противопоставлял поведение, обусловленное действительным знанием, поведению, обусловленному привычками мышления, рассматривая первое как источник

изменения прогресса, а второе - как фактор, который противодействует ему (см. Рис. 1). В работах, написанных в годы первой мировой войны и после нее – «Инстинкт мастерства и состояние промышленных умений» (1914), «Место науки в современной цивилизации» (1919), «Инженеры и система цен» (1921) – Т. Веблен рассматривал важные проблемы научно-технического прогресса и показывал роль инженеров-менеджеров в создании рациональной промышленной системы. Именно с ними он связывал будущее капитализма.

Рис. 1. Дихотомия Веблена

Источник: Литвинцева Г. П., 1999. С. 19.

В 1918 г. появляется, наконец, само понятие «институционализм», которое ввел Уилтон Гамильтон. Этот американский экономист определял институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаях народа». С его точки зрения, институты фиксируют устоявшиеся процедуры, отражают общее согласие, сложившуюся в обществе договоренность. Под институтами У. Гамильтон понимал обычаи, корпорации, профсоюзы, государство и т.д.

Уэсли Клэр Митчелл (1874-1948), работавший в Колумбийском университете и одновременно возглавлявший Национальное бюро экономических исследований, стал первым институционалистом, анализирующим реальные процессы «с цифрами в руках». В частности, в работе «Деловые циклы» (1927) он исследовал разрыв между динамикой промышленного производства и динамикой цен (Митчелл У.К., 1930).

В книге «Отсталость в искусстве тратит деньги» (1937) У.К. Митчелл подверг критике неоклассическую «экономикс», в основе моделей которой лежит поведение рационального индивида. Он резко выступил против «блаженного калькулятора» И. Бентама, показывая различные формы человеческой иррациональности. Он стремился статистически доказать отличие реального поведения в экономике от гедонического нормотипа. Для Митчелла действительный экономический субъект – это среднестатистический человек. Анализируя нерациональность трат денег в семейных бюджетах, он наглядно показывал, что искусство «делать деньги» значительно опередило умение их рационально тратить.

Большой вклад в развитие старого институционализма внес Джон Ричард Коммонс (1862-1945). В центре его внимания в работе «Распределение богатства» (1893) находился поиск инструментов компромисса между организованным трудом и крупным капиталом. В их числе фигурировали восьмичасовой рабочий день и повышение заработной платы, которое ведет к

увеличению покупательной способности населения. Он отмечал также благотворность концентрации промышленности для повышения эффективности экономики. В книгах Д.Р. Коммонса «Промышленная доброжелательность» (1919), «Промышленное управление» (1923), «Правовые основания капитализма» (1924) последовательно проводилась идея социального соглашения рабочих и предпринимателей посредством взаимных уступок, показывалось, как диффузия капиталистической собственности способствует более равномерному распределению богатства.

В 1934 г. выходит его книга «Институциональная экономическая теория», в которой впервые в истории экономической науки вводилось понятие трансакции (сделки). С его точки зрения, трансакционный процесс – это процесс определения «разумной ценности», которая завершается контрактом, реализующим «гарантии ожиданий» (Commons J.R., 1934). В структуре трансакции Коммонс выделял три основных элемента – переговоры, принятие обязательства и его выполнение. Он также характеризовал различные виды трансакций – торговые, управленческие и ратионирующие. В последние годы жизни в центре внимания Дж. Коммонса находились правовые рамки коллективных действий и, прежде всего, деятельность судов. Это нашло отражение в последней работе Коммонса, изданной уже после его смерти, – «Экономика коллективных действий» (1951).

Таким образом, в первой трети XX в. институционалисты занимались почти исключительно экономическими институтами развитых стран Запада (прежде всего, США). Приоритетный интерес именно к ним сохранился и у институционализма более позднего времени. Однако с 1940-1950-х гг. круг институциональных исследований заметно расширился, включив анализ институтов предшествующих исторических эпох и развивающихся стран.

Развитие старого (традиционного) институционализма (1940-1970-е гг.). Важную роль в становлении методологии современного институционализма сыграли работы австро-американского мыслителя Карла Поляни (1886-1964) – прежде всего, его «Великая Трансформация» (1944). Самым важным его теоретическим открытием стало выделение трех типов отношений обмена – реципроктности (взаимный обмен на натуральной основе), редистрибуции (централизованной системы перераспределения) и товарообмена, лежащего в основе рыночной экономики (Polanyi K., 1957). В отличие от последователей «экономикса», которые всюду искали и находили одни лишь «естественные» рыночные отношения, Поляни указал на историческую ограниченность и даже искусственность рыночной системы, которая просуществовала в относительно «чистом» виде не более полувека.

Не все традиционные институционалисты выступали с критикой рыночной экономики как исторически преходящей системы. Некоторые, напротив, подчеркивали ее абсолютные преимущества. Именно эта позиция нашла отражение в работах американского институционалиста Карла-Августа Виттфогеля (1896-1988), и, прежде всего, в его монографии «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти» (Wittfogel K.A., 1957). Структурообразующим институтом не-европейских обществ в концепции К.А. Виттфогеля является деспотизм, который характеризуется ведущей ролью государства. При восточном деспотизме государство опирается на бюрократический аппарат и подавляет развитие частнособственнических тенденций. Богатство господствующего класса в этом обществе обусловлено не собственностью на средства производства, а местом в иерархической системе государства. Виттфогель считал, что природные условия и внешние влияния определяют форму государства, а она в свою очередь – тип социальной стратификации.

Что касается традиционного для институционалистов изучения сдвига экономической власти в развитых странах, то здесь на них большое влияние оказали экономико-социологические концепции «революции менеджеров» и постиндустриального общества. Большую популярность имели, в частности, труды американского институционалиста Джона Кеннета Гэлбрейта (р. 1908), который изучал, прежде всего, функции корпоративной «техноструктуры» (совокупности менеджеров).

Уже в работе «Американский капитализм. Теория уравнивающей силы» (1952) Гэлбрейт писал о менеджерах как носителях прогресса и рассматривал профсоюзы как уравнивающую силу (наряду с «большим бизнесом» и правительством). Позже проблему «сдвига власти» он стал связывать с темой научно-технического прогресса и постиндустриального общества. Наибольшую известность получили его работы «Новое индустриальное общество» (1967) и «Экономическая теория и общественная цель» (1973). «В современном обществе, – писал

Гэлбрейт, – существуют две системы – планирующая и рыночная. В первой ведущую роль играет техноструктура, которая основана на монополизации знаний. Именно она осуществляет принятие основных решений помимо владельцев капитала» (Гэлбрейт Дж., 1969. С. 100-113). Такие техноструктуры существуют как при капитализме, так и при социализме. Именно их рост сближает развитие этих систем, предопределяя тенденции конвергенции (Гэлбрейт Дж., 1969. С. 100-113).

В изучении институтов развивающихся стран огромную роль сыграли работы шведского экономиста Гуннара Мюрдаля (1898-1987), особенно его трехтомная монография «Азиатская драма. Исследования нищеты народов» (1968).

«Азиатская драма» резко критикует западный подход к анализу «третьего мира», когда пытаются перенести реалии развитого общества в общество слаборазвитое. На практике это выливается, по мнению Г. Мюрдаля, в создание анклавной экономики – узкого сектора европеизированной промышленности, больше связанной с внешним, чем с внутренним рынком. Проведение же политики индустриализации пока не дало и в ближайшем обозримом будущем вряд ли даст существенные позитивные результаты, которые коренным образом изменили бы положение широких слоев населения. Отсюда критика Мюрдалем и рынка, как автоматического регулятора экономического развития, и планирования, как средства сознательного решения социальных задач. На деле же обе предлагаемые стратегии (как развитие рынка, так и стимулирование централизованного планирования) способствуют усилению технологической зависимости стран «третьего мира», дезинтеграции их экономики, росту коррупции и государственного бюрократизма.

Мюрдаль выделял два вида оперативного регулирования частного сектора. То, которое «применяется по решению чиновника, наделенного правом действовать по праву собственного усмотрения», он называет дискреционным; другое же, которое «осуществляется автоматически в соответствии с установленными правилами или вследствие изменения цен, введения тарифных и акцизных сборов», он называет недискреционным. Г. Мюрдаль справедливо отмечает, что в развивающихся странах используется преимущественно первый вид. В результате «бизнесменам ...приходится прокладывать себе путь сквозь джунгли административных дискреционных мер...» (Мюрдаль Г., 1979. С. 232). «Демократическая» процедура принятия решения не облегчает, а лишь усложняет задачу, поскольку решающую роль играют «связи».

Старому (традиционному) институционализму так и не удалось создать более-менее целостной теории. Сторонников этой парадигмы объединяло скорее схожее мировоззрение, чем единый понятийный аппарат. Хотя каждая из «старых» институциональных теорий была весьма уязвима для критики, однако они демонстрировали неудовлетворенность «экономиксом» и постепенно изменяли представления ученых. Благодаря институционалистам в поле внимания экономистов постепенно входили не только покупательная способность, потребительский спрос, уровень сбережений и инвестиций, но и системы ценностей, проблема отчуждения, культурные традиции, структуры управления и т.д.

2. «Новый» институционализм во взаимодействии с классической традицией

3.

Сравнительная характеристика «старого» и «нового» институционализма. Хотя и институционализм как особое течение сложился еще в начале XX в., однако долгое время он находился на периферии экономической мысли. Объяснение движения экономических благ лишь институциональными факторами не находило большого числа сторонников. Отчасти это было связано с неопределенностью самого понятия «института», под которым одни исследователи понимали главным образом обычаи, другие – профсоюзы, третьи – государство, четвертые корпорации - и т. д., и т. п. Отчасти – с тем, что институционалисты пытались в экономике использовать методы других общественных наук: права, социологии, политологии и др. В результате они теряли возможность говорить на едином языке экономической науки, каким считался язык графиков и формул.

Ситуация, однако, коренным образом изменилась в 1960-1970-е гг., когда начал формироваться неoinституционализм.

Его основоположником стал американский экономист Рональд Коуз (р. 1910). Еще в 1937 г. в статье «Природа фирмы» он ввел понятие трансакционных издержек – затрат на заключение соглашений (контрактов). В другой своей знаменитой статье, «Проблема социальных издержек»

(1960), Коуз обратился к давней проблеме внешних эффектов (экстерналий) и сформулировал так называемую «теорему Коуза», доказывающую от противного значение трансакционных издержек для экономики. Именно от этих двух небольших статей (см.: Коуз Р., 1993) ведут свое происхождение экономическая теория организаций и экономическая теория прав собственности.

Новое направление экономической теории начало быстро расти вширь и вглубь. «Новый» институционализм, как и «старый», развивался в основном американскими экономистами. Основы теории общественного выбора были заложены в трудах американского экономиста Джеймса Бьюкенена (р. 1919) – в «Расчете согласия» (1962, совместно с Г. Таллоком) и «Границах свободы» (1975). В эти же годы появилась монография Гэри Беккера (р. 1930) «Человеческий капитал» (1964), идеи которой положили начало целому спектру неинституциональных исследований, включая, например, экономический анализ преступности и экономику семьи (см.: Беккер Г., 2003). Позже, уже в 1980-1990-е гг., ведущую роль в развитии неинституционализма стал играть Дуэнас Норт, один из основоположников «новой экономической истории» (см.: Норт Д., 1997).

Если «старые» институционалисты остались аутсайдерами мирового сообщества ученых-экономистов, то «новые» институционалисты смогли стать его фаворитами.

Между «старыми» институционалистами (последователями Т. Веблена) и неинституционалистами (последователями Р. Коуза) есть три коренных различия.

Во-первых, «старые» институционалисты пытались изучать проблемы современной экономической теории методами других наук об обществе. Неинституционалисты идут прямо противоположным путем – они изучают политологические, правовые, социологические и т.д. проблемы методами неоклассической экономической теории (прежде всего, с применением аппарата современной микроэкономики и теории игр).

Во-вторых, традиционный институционализм основывался главным образом на индуктивном методе, стремился идти от частных случаев к обобщениям, в результате чего общая институциональная теория так и не сложилась. Неинституционализм идет дедуктивным путем – от общих принципов неоклассической экономической теории к объяснению конкретных явлений общественной жизни.

В-третьих, «старый» институционализм как течение радикальной экономической мысли обращал преимущественное внимание на действия коллективов (главным образом, профсоюзов и правительства) по защите интересов индивида. Неинституционализм ставит во главу угла независимого индивида, который по своей воле и в соответствии со своими интересами решает, членом каких коллективов ему выгоднее быть.

Между «старым» и «новым» институционализмом есть и многие другие различия (см. Табл. 1).

В последние десятилетия во всем мире наблюдается несомненный рост интереса к институциональным исследованиям. Отчасти это связано с попыткой преодолеть ограниченность ряда предпосылок, характерных для еconomics (аксиомы полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, установления равновесия лишь посредством ценового механизма и др.) и рассмотреть современные экономические, социальные и политические процессы более комплексно и всесторонне; отчасти – с попыткой проанализировать явления, возникшие в эпоху НТР, применение к которым традиционных методов исследования не дает пока желаемого результата. Проявлением этой растущей популярности является, в частности, большое число Нобелевских премий по экономике экономистам-институционалистам: если за первые 20 лет вручения этой премии ее получили 5 ученых, прославившихся институциональными исследованиями (Я. Тинберген, К. Эрроу, Г. Мюрдаль, Г. Саймон, Дж. Бьюкенен), то за последующие 15 лет их было уже 9 (Р. Коуз, Г. Беккер, Д. Норт, Р. Фогель, А. Сен, Дж. Акерлоф, М. Спенс, Дж. Стиглиц, Д. Канеман).

Таблица 1

**Сравнительная характеристика «старого» и «нового»
институционализма**

ХАРАКТЕРИСТИКА	«СТАРЫЙ» институционализм	Неоинституционализм
1. Возникновение	Из критики ортодоксальных предпосылок классического либерализма	Через улучшение ядра современной ортодоксальной теории
2. Вдохновляющая наука	Биология	Физика (механика)
3. Элемент анализа	Институты	Атомистический, абстрактный индивидуум
4. Движение мысли	От социологии, права, политики и т.д. к экономике	От экономики к социологии, политике, праву и т.д.
5. Методология	Других гуманитарных наук (право, политология, социология и др.); органический и эволюционный подходы	Экономическая неоклассическая (методы микроэкономики и теории игр); равновесный и оптимизационный подходы
6. Метод	Индуктивный	Дедуктивный
7. Фокус внимания	Коллективное действие	Независимый индивид
8. Предпосылка анализа	Холизм	Методологический индивидуализм
9. Представления об индивидууме, его предпочтения и целях	Индивидуум изменяем, его предпочтения и цели эндогенны	Индивидуум берется как данный, его предпочтения и цели экзогенны
10. Представления о роли институтов	Формируют предпочтения, самих индивидуумов	Дают внешние ограничения для индивидуумов (условия выбора, ограничения и информация)
11. Представления о технологии	Технология эндогенна	Технология экзогенна
12. Время формирования	Начало XX в.	Конец XX в.
13. Основоположники	Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл	Р. Коуз, Дж. Бьюкенен, Г. Беккер, Д. Норт

Неоклассика и неоинституционализм: единство и различия.

Общим для всех неоинституционалистов являются следующие положения:

во-первых, что социальные институты имеют значение и,
во-вторых, что они поддаются анализу с помощью стандартных инструментов микроэкономики.

Каждая теория состоит из ядра и защитного слоя. Не составляет исключения и неоинституционализм. Его (как и неоклассики в целом) основными предпосылками являются, прежде всего:

- методологический индивидуализм;
- концепция экономического человека;
- понимание деятельности как обмен.

Однако в отличие от неоклассиков, неоинституционалисты стали проводиться эти принципы более последовательно.

Методологический индивидуализм. В условиях ограниченности ресурсов каждый из нас стоит перед выбором одной из имеющихся альтернатив. Методы анализа рыночного поведения индивида универсальны. Они с успехом могут быть применены к любой из сфер, где человек должен сделать выбор.

Основная предпосылка неoinституциональной теории состоит в том, что люди действуют в любой сфере, преследуя свои личные интересы, и что нет непреодолимой грани между бизнесом и социальной сферы или политикой.

Например, теория общественного выбора (теория, изучающая различные способы и методы, посредством которых люди используют правительственные учреждения в своих собственных интересах) последовательно разоблачает миф о государстве, у которого нет никаких иных целей, кроме заботы об общественных интересах. На самом деле «рациональные политики» поддерживают, прежде всего, те программы, которые способствуют росту их престижа и повышают шансы одержать победу на очередных выборах.

Таким образом, неoinституциональная теория пытается последовательно провести принципы индивидуализма, распространив их на все виды деятельности, включая социальную сферу и государственную службу.

Концепция экономического человека. Второй предпосылкой неoinституциональной теории выбора является концепция «экономического человека» (*homo oeconomicus*). Человек в рыночной экономике отождествляет свои предпочтения с товаром. Он стремится принять такие решения, которые максимизируют значение функции полезности. Его поведение рационально.

Рациональность индивида имеет в данной теории универсальное значение. Это означает, что все люди руководствуются в своей деятельности в первую очередь экономическим принципом – сравнивают предельные выгоды и предельные издержки (и, прежде всего, выгоды и издержки, связанные с принятием решений):

$$MB \geq MC,$$

где MB — предельные выгоды (*marginal benefit*);

MC — предельные издержки (*marginal cost*).

Однако, в отличие от неоклассики, где рассматриваются главным образом физические (редкость ресурсов) и технологические ограничения (недостаток знаний, практического мастерства и т.д.), в неoinституциональной теории рассматриваются еще и транзакционные издержки, т.е. издержки, связанные с обменом прав собственности. Это произошло потому, что любая деятельность рассматривается как обмен.

Деятельность как обмен. Трактовка деятельности как процесса обмена восходит к диссертации шведского экономиста Кнута Викселля «Исследования по теории финансов» (1896). Основное различие между экономическим и политическим рынками он видел в условиях проявления интересов людей. Именно эта идея легла в основу работ американского экономиста Дж. Бьюкенена. «Политика, – пишет он, – есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных. На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике – соглашаются платить налоги в обмен на блага, необходимые всем и каждому: от местной пожарной охраны до суда» (Бьюкенен Дж., 1997. С. 23).

Сторонники неoinституциональной теории рассматривают любую сферу по аналогии с товарным рынком. Государство, например, при таком подходе – это арена конкуренции людей за влияние на принятие решений, за доступ к распределению ресурсов, за места в иерархической лестнице. Однако государство – рынок особого рода. Его участники имеют необычные права собственности: избиратели могут выбирать представителей в высшие органы государства, депутаты – принимать законы, чиновники – следить за их исполнением. Избиратели и политики трактуются как индивиды, обменивающиеся голосами и предвыборными обещаниями.

Важно подчеркнуть, что неoinституционалисты более реалистично оценивают особенности этого обмена, учитывая, что людям присуща ограниченная рациональность, а принятие решений связано с риском и неопределенностью. К тому же далеко не всегда приходится принимать наилучшие решения. Поэтому институционалисты сравнивают издержки принятия решений не с ситуацией, считающейся образцовой в микроэкономике (совершенная конкуренция), а с теми реальными альтернативами, которые существуют на практике.

Такой подход может быть дополнен анализом коллективного действия (Stevens J., 1993), который предполагает рассмотрение явлений и процессов с точки зрения взаимодействия не

одного индивида, а целой группы лиц. Люди могут быть объединены в группы по социальному или имущественному признаку, религиозной или партийной принадлежности¹.

Институционалисты могут даже несколько отойти от принципа методологического индивидуализма, предполагая, что группа может рассматриваться как конечный неделимый объект анализа, со своей функцией полезности, ограничениями и т.д. Однако более рациональным кажется подход к рассмотрению группы как объединению нескольких индивидов с собственными функциями полезности и интересами (подробнее см.: Олсон М., 1995, 1998; Olson M., 2000).

Функционирование социального или политического механизма, с данной точки зрения, рассматривается как процесс столкновения интересов групп, что стало предметом специального анализа Р. Хардина (Hardin R., 1995) Реализация конкретных групповых интересов и будет результатом достижения согласия в рамках совместной деятельности. При таком подходе есть возможность использования коллективных действий для достижения межгруппового согласия с целью извлечения дополнительных выгод. Это позволяет охарактеризовать рациональность индивида более гибко, чем в традиционной неоклассике. Сравнительная характеристика теоретических представлений о рациональности индивидов в концепциях традиционных и новых неинституционалистов (последние показаны на примере взглядов О. Уильямсона) представлена в Таблице 2.

Перечисленные выше различия некоторые институционалисты (Р. Коуз, О. Уильямсон и др.) характеризуют как подлинную революцию в экономической теории. Не приуменьшая их вклада в развитие экономической теории, другие экономисты (Р. Познер и др.) считают, однако, их работы скорее дальнейшим развитием основного течения экономической мысли, чем оппозицией этому течению. И действительно, сейчас все труднее и труднее представить main stream без их работ. Они все полнее и полнее входят в современные учебники Economics. Однако не все направления «вливаются» в «экономикс» в равной мере. Чтобы убедиться в этом, подробнее познакомимся со структурой современной институциональной экономической теории.

Таблица 2
Сравнительная характеристика теоретических представлений о рациональности индивидов

Характеристика	Экономический человек	Гибридный человек	Институциональный человек
1. Подход к эконом. теории	Неоклассический	О. Уильямсона	Институциональный
2. Цель	Максимизация полезности	Минимизация транзакционных издержек	Культурная образованность
3. Знания и вычислительные способности	Не ограничены	Ограничены	Ограничены
4. Желания	Определяются самостоятельно	Определяются самостоятельно	Определяются культурой
5. Зависимость от воздействия социальных факторов	Независим	Независим	Не является строго независимым
6. Рациональность	Полная	Ограниченная	Культурная
7. Оппортунизм	Нет коварства (обмана) и нет принуждения	Есть коварство (обман), но нет принуждения	Есть коварство (обман) и есть принуждение

Источник: Литвинцева Г. П., 1999. С. 42.

¹ 1 Общие черты и различия, существующие между основными подходами, подробно анализируются в (Reisman D., 1990).

3. Основные направления современной институциональной теории

Структура институциональной теории. Единая классификация институциональных теорий до сих пор так и не сложилась. Прежде всего, до сих пор сохраняется дуализм «старого» (традиционного) институционализма и неоинституциональных теорий. Оба направления современного институционализма сформировались либо на основе неоклассической теории, либо под существенным ее влиянием (Рис. 2).

Неоинституционализм развивался, расширяя и дополняя магистральное направление экономика. Вторгаясь в сферу других наук об обществе (права, социологии, психологии, политики и др.), эта школа использовала традиционные микроэкономические методы анализа, пытаясь исследовать все общественные отношения с позиции рационально мыслящего «экономического человека» (*homo oeconomicus*). Поэтому любые отношения между людьми здесь рассматриваются сквозь призму взаимовыгодного обмена. Такой подход со времен Дж. Коммонса называют контрактной (договорной) парадигмой (Бьюкенен Дж., 1997. С. 23).

Если в рамках первого направления (неоинституциональная экономика) институциональный подход лишь расширил и модифицировал традиционную неоклассику, оставаясь в ее пределах и снимая лишь некоторые наиболее нереалистические предпосылки (аксиомы полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, установление равновесия лишь посредством ценового механизма и др.), то второе направление (новая институциональная экономика) в гораздо большей степени опиралось на «старый» институционализм (нередко весьма «левого» толка)².

Если первое направление в конечном счете укрепляет и расширяет неоклассическую парадигму, подчиняя ей все новые и новые сферы исследования (семейных отношений, этики,

² Следует, конечно, подчеркнуть отсутствие «китайской стены» между новой институциональной экономикой и неоинституционализмом. Характерно, что автор термина «новая институциональная экономика» О. Уильямсон, который предложил его еще в 1975 г. в работе «Рынки и иерархии» (Williamson O. 1975. P. 35-44), сам по основным параметрам его исследований относится, скорее, к неоинституционалистам. В русскоязычной литературе выражения «новая институциональная экономика» и «неоинституционализм» чаще всего используют как синонимы.

политической жизни, межрасовых отношений, преступности, исторического развития общества и др.), то второе направление по-прежнему оппозиционно к неоклассическому «мэйнстриму». Эта разновидность институциональной экономической теории отвергает методы маржинального и равновесного анализа, беря на вооружение эволюционно-социологические методы. Лидером эволюционной экономической теории является английский экономист Джеффри Ходжсон (Ходжсон Дж., 1997, 2003). Представители «оппозиционного» институционализма часто выбирают сферы анализа, выходящие за пределы рыночного хозяйства (проблемы творческого труда, преодоления частной собственности, ликвидации эксплуатации и т.д.). Речь идет о таких направлениях, как концепции конвергенции, постиндустриального (постэкономического, информационного, сервисного и т.д.) общества, экономика глобальных проблем. К данному направлению институционализма близка недавно возникшая «поведенческая экономика» (behavioral economics): основанная американским психологом Д. Канеманом, она занимается критической проверкой того, насколько модель «человека экономического» соответствует реальному поведению людей (см., например: Канеман Д., Тверски А., 2003).

Относительно обособленно в рамках данного направления стоит лишь французская экономика соглашений, пытающаяся подвести новую основу под неинституциональную экономику и прежде всего под ее контрактную парадигму. Этой основой, с точки зрения представителей экономики соглашений, являются нормы.

Контрактная парадигма первого направления возникла благодаря исследованиям Дж. Коммонса. Однако в современном виде она получила несколько иную интерпретацию, отличную от первоначальной трактовки. Контрактная парадигма может реализовываться как извне, т.е. через институциональную среду (выбор социальных, юридических и политических «правил игры»), так и изнутри, то есть через отношения, лежащие в основе организаций³. В первом случае в качестве правил игры могут выступать конституционное право, имущественное право, административное право, различные законодательные акты и т.д., во втором – правила внутреннего распорядка самих организаций. В рамках этого направления теория прав собственности (Р. Коуз, А. Алчиан, Г. Демсец, Р. Познер и др.) изучает институциональную среду деятельности экономических организаций в частном секторе экономики, а теория общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон, Р. Толлисон и др.) – институциональную среду деятельности индивидов и организаций в общественном секторе. Если первое направление акцентирует на выигрыше благосостояния, который удастся получить благодаря четкой спецификации прав собственности, то второе – на потерях, связанных с деятельностью государства (экономика бюрократии, поиск политической ренты и т.д.).

Важно подчеркнуть, что под правами собственности понимается, прежде всего, система норм, регулирующих доступ к редким или ограниченным ресурсам. При таком подходе права собственности приобретают важное поведенческое значение, поскольку их можно уподобить своеобразным правилам игры, которые регулируют отношения между отдельными экономическими агентами.

Теория агентов (взаимоотношений «принципал-агент», по Дж. Стиглицу) концентрирует внимание на предварительных предпосылках (побудительных мотивах) контрактов (ex ante), а теория трансакционных издержек (О. Уильямсон) – на уже реализованных соглашениях (ex post), порождающих различные управленческие структуры. Теория агентов рассматривает различные механизмы стимулирования деятельности подчиненных, а также организационные схемы, обеспечивающие оптимальное распределение риска между принципалом и агентом. Эти проблемы возникают в связи с отделением капитала-собственности от капитала-функции, т.е. отделением собственности и контроля – проблемы поставлены во весь рост еще в работах у А. Берля и Г. Минза 1930-х гг. Современные исследователи (У. Меклинг, М. Дженсон, Ю. Фама и др.) изучают меры, необходимые для того, чтобы поведение агентов в наименьшей степени отклонялось от интересов принципалов. Причем, если они пытаются предусмотреть эти проблемы заранее, еще при заключении контрактов (ex ante), то теория трансакционных издержек (С. Чен, Й Барцель и др.) акцентирует внимание на поведении экономических агентов уже после того как контракт заключен (ex post). Особое направление в рамках этой теории представляют работы О. Уильямсона, в центре внимания которого находится проблема структуры управления и регуляции (governance structure).

³ В основу классификаций институциональных теорий положен подход О. Уильямсона, сформулированный им в статье «Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации» (см.: Williamson O. E. 1990).

Конечно, различия между теориями довольно относительно, и часто можно наблюдать, как один и тот же ученый работает в разных областях неoinституционализма. Особенно это касается таких конкретных направлений, как «право и экономика» (экономика права), экономика организаций, новая экономическая история и др.

Между американским и западноевропейским институционализмом существуют довольно глубокие различия. Американская традиция экономикса в целом далеко опережает европейский уровень, однако в сфере институциональных исследований европейцы оказались сильными конкурентами своих заокеанских коллег. Эти различия можно объяснить разницей национально-культурных традиций. Америка – страна «без истории», и потому для американского исследователя типичен подход с позиций абстрактного рационального индивида. Напротив, Западная Европа, колыбель современной культуры, принципиально отвергает крайнее противопоставление индивида и общества, сведение межличностных отношений только к рыночным сделкам⁴. Поэтому американцы часто сильнее в использовании математического аппарата, но слабее в понимании роли традиций, культурных норм, ментальных стереотипов и т. д. – всего того, что как раз и составляет сильную сторону нового институционализма. Если представители американского неoinституционализма рассматривают нормы, прежде всего, как результат выбора, то французские неoinституционалисты – как предпосылку рационального поведения. Рациональность поэтому также раскрывается ими как норма поведения.

Эволюция понимания экономических институтов. Под институтами в современной теории понимаются «правила игры» в обществе – «созданные человеком» ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми, а также система мер, обеспечивающая их выполнение (enforcement) (Норт Д., 1997. С. 17). Они создают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия, уменьшают неопределенность, организуя повседневную жизнь.

Институты делятся на формальные (например, Конституция США) и неформальные (например, советское «телефонное право»).

Под неформальными институтами обычно понимают общепринятые условности и этические кодексы поведения людей. Это – обычаи, «законы», привычки или нормативные правила, которые являются результатом тесного совместного существования людей. Благодаря им люди легко узнают, чего хотят от них окружающие, и хорошо понимают друг друга. Эти кодексы поведения формирует культура.

Под формальными институтами понимаются правила, созданные и поддерживаемые специально на то уполномоченными людьми (государственными чиновниками).

В общем виде система правил поведения классифицирована в монографии немецкого экономиста В. Ванберга «Правила и выбор в экономической теории». С известной долей условности она может быть определена следующим образом (Рис. 3).

Правила поведения делятся на наследуемые, естественно данные и приобретенные, передаваемые через культуру. Последние, в свою очередь, делятся на личные и социальные, а социальные правила – на неформальные (закрепленные традициями, обычаями и т.д.) и формальные (закрепленные в правовых нормах). Наконец, формальные социальные правила включают «частное» и «общественное» (публичное) право. «Частное» право регулирует поведение не только отдельных индивидов, но и негосударственных организаций; в рамках «общественного» права выделяются правила, ограничивающие деятельность правительства и государства.

⁴ Это хорошо видно из статей А. Олейника, Л. Тевено, Р. Кумахова, О. Фавро, Ф. Эмар-Дюверне, знакомящих российского читателя с различными направлениями современного французского институционализма. См.: Вопросы экономики. 1997. № 10. С.58-116.

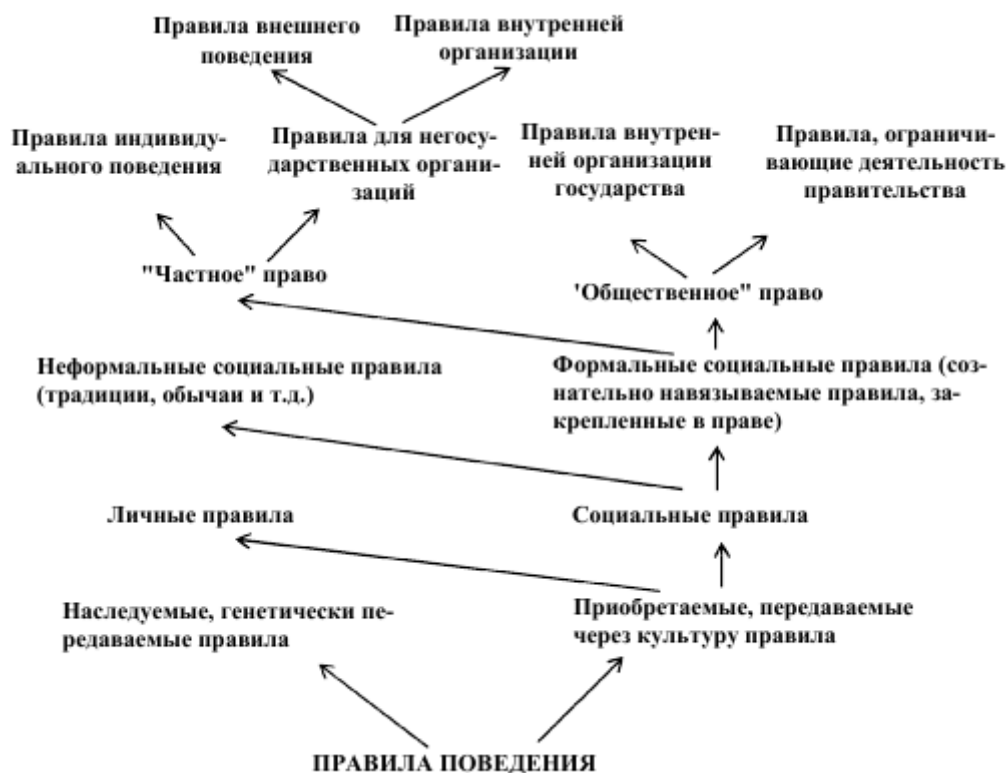

Рис. 3. Классификация видов правил

Источник: Vanberg V., 1994. P. 110.

Такая классификация, несомненно, полезна, так как помогает рассмотреть все многообразие правил, о которых ведут речь неонституционалисты. Однако, как и всякая созданная по формально-логическому (дихотомическому) принципу схема, она не свободна от недостатков, так как пытается отразить существующую структуру, а не процесс ее эволюции. Ограниченность этой схемы проявляется и в том, что она не показывает взаимосвязь и взаимовлияние различных типов правил. Реальная жизнь богаче этой схемы, поскольку правила постоянно изменяются, модифицируются, а не находятся в застывшем состоянии. Например, неформальные социальные нормы формализуются, закрепляются в праве; не подкрепляемые санкциями формальные правила трансформируются в неформальные и т. д.

Процесс формализации ограничений связан с повышением их отдачи и снижением издержек путем введения единых стандартов. Издержки защиты правил связаны, в свою очередь, с установлением факта нарушения, измерением его степени и наказанием нарушителя, при условии что предельные выгоды превышают предельные издержки, или, во всяком случае, не выше их ($MB > MC$). Права собственности реализуются через систему стимулов (антистимулов) в наборе альтернатив, стоящих перед экономическими агентами. Выбор определенного направления действий завершается заключением контракта (см. Рис. 4).

Рис. 4. Реализация прав собственности в контрактах

Контроль за соблюдением контрактов может быть как персонифицированным, так и неперсонифицированным. Первый основывается на родственных связях, личной верности, общих

верованиях или идеологических убеждениях. Второй – на представлении информации, применении санкций, формальном контроле, осуществляемом третьей стороной, и в конечном счете приводит к необходимости организаций.

С развитием общества возможно изменение как формальных, так и неформальных правил, а также способов и эффективности принуждения к исполнению правил и ограничений.

Корни постсоветского институционализма. Объективным фактом является то, что в последнее десятилетие как в России, так и в других бывших советских республиках, устойчиво растет интерес к институциональной теории вообще и к ее неоинституциональному направлению в особенности. С одной стороны, это связано с сильным влиянием марксизма, который рассматривал традиционный институционализм как своего потенциального союзника. Поэтому работы Дж. Гэлбрейта, Г. Мюрдаля и Т. Веблена были переведены на русский язык (он остается языком научного общения и на постсоветском пространстве) еще в советский период (Гэлбрейт Дж.К., 1969, 1976; Мюрдаль Г., 1972; Веблен Т., 1984). С другой стороны, это связано с сознательными попытками преодолеть ограниченность ряда предпосылок, характерных для экономикса (аксиомы полной рациональности, абсолютной информированности, совершенной конкуренции, установления равновесия лишь посредством ценового механизма и др.), и рассмотреть современные экономические процессы комплексно и всесторонне. Многие экономисты понимают, что ни в одной экс-советской стране эти предпосылки еще не сложились, а потому подход, основанный на деятельности рационального, максимизирующего полезность в условиях совершенной конкуренции индивида, противоречит реальному положению вещей.

Осознание важности создания «мягкой инфраструктуры» рыночного хозяйства стало импульсом для генезиса постсоветского неоинституционализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование постсоветского институционализма⁵.

Институционализм в России

В России уже в 1990-е гг. появились многочисленные специальные работы (не только абстрактно-теоретические, но и конкретно-эмпирические), где неинституциональные идеи использовались для объяснения особенностей современного российского хозяйства. Такие ведущие российские журналы, как «Вопросы экономики», «Экономика и математические методы», «Вестник Московского университета» (серия «Экономика») ⁶, регулярно публикуют подборки статей по институциональным и неинституциональным проблемам.

Попыток систематизированного изложения институционального подхода до конца 1990-х гг. не было, что сильно затрудняло освоение новой парадигмы в России. Первыми попытками, весьма своевременными и чрезвычайно актуальными, стали публикации книг А. Шаститко «Экономическая теория институтов» (Шаститко А., 1997) и «Неоинституциональная экономическая теория» (Шаститко А., 1998), а также «Учебно-методического пособия к курсу лекций по институциональной экономике» Я. Кузьмина (Кузьминов Я.И., 1999). Наиболее популярным, однако, надолго стал учебник «Институциональная экономика» А.Н. Олейника – он публиковался сначала на страницах журнала «Вопросы экономики» (1999, № 1–12), а позже дважды издавался отдельной книгой (Олейник А., 2000, 2002). Попытку написать курс по институциональной экономике предпринял также А.Н. Нестеренко (Нестеренко А.Н., 2002), но с его смертью российский институционализм понес тяжелую утрату.

Данные пионерные учебно-методические работы положили начало качественно новому этапу неинституциональных исследований в России. При всех возможных недостатках этих книг попытки систематизации основ институциональной теории открыли широкое поле для консолидации (или размежевания) российских институционалистов на концептуальной основе.

Так, работы А. Шаститко и Я. Кузьмина опираются в основном на американскую традицию неинституционализма. Несколько особняком стоит учебник А. Олейника, который опирается в равной мере как на западноевропейскую (французскую), так и на американскую традиции институциональных исследований. В отличие от традиционного подхода, А. Олейник исходит из первостепенной важности формирования не прав собственности как таковых, а социальных норм и правил. Если представители американского неинституционализма рассматривают нормы, прежде всего, как результат выбора, то французские институционалисты – как предпосылку рационального поведения. Поэтому рациональность раскрывается им также сквозь призму нормы поведения.

Среди учебных изданий по институционализму последних лет следует отметить, прежде всего, изданную в МГУ 2004-2005 гг. большую серию учебных пособий по разным аспектам институционализма, в том числе книгу «Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория» под редакцией А.А. Аузана (Институциональная экономика: новая..., 2005). Очень интересным, хотя и не бесспорным опытом создания учебника силами творческого коллектива с участием как российских, так и французских институционалистов стала «Институциональная экономика» под ред. А.Н. Олейника (Институциональная экономика, 2005). Чисто неинституциональный подход с присущим ему эконометрическим моделированием отразился в учебно-методическом пособии Я.И. Кузьмина и М.М. Юдкевич (Кузьминов Я., Юдкевич М., 2000).

Освоение и развитие основных институциональных парадигм. Круг работ российских экономистов, затрагивающих вопросы институциональной теории, уже достаточно широк. Впрочем, как правило, эти монографии мало доступны для большинства преподавателей и студентов, так как они выходят ограниченным тиражом, редко превышающим тысячу экземпляров, что для такой большой страны, как Россия, конечно, очень мало.

⁵ При подготовке данного раздела использован материал, любезно предоставленный Ю.В. Латовым.

⁶ Помимо перечисленных журналов публикации неинституциональной тематики появлялись в издававшемся в 1993–1994 гг. журнале «THESIS» - он планировался как специализированное издание по новейшим зарубежным концепциям, но, к сожалению, прекратил существование из-за недостатка финансирования. Можно вспомнить также издающийся в ГУ-ВШЭ альманах «Истоки», который постоянно публикует материалы по институциональной экономике, однако выходит довольно нерегулярно (вып. 1 – 1989 г., вып. 2 – 1990 г., вып. 3 – 1998 г., вып. 4 – 2000 г., вып. 5 – 2003 г., вып. 6 запланирован на конец 2005 г.).

Среди российских ученых, активно применяющих неинституциональные концепции в анализе современной российской экономики, следует выделить С. Авдашеву, В. Автономова, О. Ананьина, А. Аузана, С. Афонцева, Р. Капелюшников, Я. Кузьмина, Ю. Латова, В. Маевского, С. Малахова, В. Мау, В. Найшуля, А. Нестеренко, Р. Нуреева, А. Олейника, В. Полтеровича, В. Радаева, В. Тамбовцева, Л. Тимофеева, А. Шаститко, М. Юдкевич, А. Яковлева и др.

Рассмотрим, как «прорастали» в России основные направления неинституциональных исследований.

1). Теория прав собственности важна для нашей экономики в аспекте анализа приватизации, ее последствий и формирования рыночных институтов. Единственным обзорным исследованием достаточно высокого уровня по теории прав собственности остается книга (Капелюшников Р., 1990), благодаря которой большинство российских экономистов впервые узнали о данном научном направлении. Неинституциональный подход к исследованию экстерналий первоначально обсуждался отечественными экономистами в основном в связи с анализом природоохранной тематики (А. Голуб, Е. Струкова, 1995, 1998; Шаститко А., 1997; Рыночные методы управления..., 2002). В 2002 г. на страницах «Вопросов экономики» прошла серия острополюемических статей, посвященных пониманию знаменитой теоремы Коуза (Красильников О., Шаститко А., 2002; Малышев Б., 2002). В последующие годы эта тема также не раз затрагивалась в экономической периодике (Олейник А., 2003; Новиков В., 2004; и др.).

Сначала, в конце 1990-х гг., основное внимание было обращено на популяризацию идей зарубежных учёных с некоторой адаптацией к российским реалиям (см.: Евстигнеева Л., Евстигнеев Р., 1998; Малахов С., 1998; и др.). Примерно с 2000 г. начинают появляться и оригинальные исследования по проблемам собственности в постсоветской экономике.

Журнал «Вопросы экономики» стал постоянной «площадкой», на которой ведется дискуссия по теоретическим и практическим аспектам формирования в России рыночных институтов (Нестеренко А., 2000; Капелюшников Р., 2001; и др.). В них отмечается, в частности, что большая часть государственной собственности перешла не к аутсайдерам, а к инсайдерам (менеджменту и персоналу), поэтому в России не возникло эффективного частного собственника. Проявлением этой незавершенности приватизации стало преобладание в деятельности фирм краткосрочного аспекта над долгосрочным, мотивов личного обогащения новых владельцев - над целями развития производства (А. Радыгин, Р. Капелюшников и др.)⁷.

2). Теория транзакционных издержек широко обсуждается российскими экономистами. В. Кокоревым выдвинута гипотеза о росте транзакционных издержек в переходный период от плана к рынку (Кокорев В., 1996). Транзакционные издержки. С 1998 г. пошли публикации о транзакционных издержках, в которых они рассматривались как один из барьеров для входа на рынки в российской экономике и как главный фактор развития теневой экономики (Фактор транзакционных издержек..., 1998; Авдашева С., Колбасова А., Кузьминов Я., Малахова С., Рогачев И., Яковлев А., 1998; Малахов С., 1998). К сожалению, большим недостатком обсуждения является слишком широкая трактовка этого понятия российскими экономистами.

Экономико-правовому обоснованию института товарных знаков была посвящена большая подборка материалов в журнале «Вопросы экономики» (1999, № 3). В этом обсуждении приняли участие А. Шаститко, В. Тамбовцев, О. Пороховская, И. Шульга, К. Менар и И. Вальцескини. В 2004 г. в МГУ вышло специальное учебное пособие, посвященное институциональному анализу интеллектуальной собственности (Елисеев А.Н., Шульга И.Е., 2004).

3). Экономика организации развивалась в России также весьма активно. Обзор зарубежных неинституциональных подходов к теории фирмы был впервые дан в работе А. Шаститко «Новая теория фирмы» (Шаститко А., 1996), где предложено неинституциональное объяснение феномена фирмы и характеризуются основные формы деловых предприятий, а также показана эволюционная (адаптивная) эффективность хозяйственных организаций.

Как отрядный факт, следует заметить, что стали появляться монографии, пытающиеся анализировать с неинституциональных позиций отраслевые проблемы. Первыми из них были монография В.Крюкова «Институциональная структура нефтегазового сектора: проблемы и направления трансформации» (Крюков В., 1998), коллективный сборник под редакцией А.

⁷ 1 См., прежде всего, статьи А. Радыгина, Ю. Первалова, И. Гимади, В. Добродея и Х. Альбаха, опубликованные в журнале «Вопросы экономики» № 6 за 1999 г. Это направление исследований было активно продолжено и в последующие годы (Капелюшников Р. 2000; Трансформация экономических институтов..., 2000, введение, гл. 1-7; Капелюшников Р., Демина Н., 2005).

Шаститко, посвященный анализу локальных естественных монополий (Контракты и издержки..., 2000), и учебное пособие Е.Н. Кудряшовой об институциональных соглашениях в условиях естественной монополии (Кудряшова Е.Н., 2005).

Прекрасным образцом учебного пособия по неонституционализму следует считать подготовленную группой сотрудников ГУ-ВШЭ книгу «Основы теории контрактов» (Юдкевич М.М., Подколзина Е.А., Рябинина А. Ю., 2002).

4). Такое направление неонституциональных исследований как теория общественного выбора известно в России, пожалуй, лучше всех других.

Поскольку российская политическая система далека от канонов демократии, наибольший интерес для экономистов России представляют такие разделы Public Choice, как теория политических изменений и экономика бюрократии. В. Мау, например, анализирует трансформацию российской экономической и политической системы сквозь призму теории революции (Мау В., 1999, 2001). В. Найшуль еще в начале 1990-х гг. полемизировал с трактовкой СССР как чисто командной экономики, интерпретируя экономико-политическую систему «позднего» Советского Союза как пространство «бюрократических торгов», где готовность выполнять плановое задание обменивалось на определенные льготы директорату предприятия (Найшуль В.А., 1991).

В России в различных базах данных накапливаются эмпирические данные по выборам в центральные и местные органы власти, по ведению политических компаний, по деятельности различных партий. Однако пока они используются российскими экономистами довольно эпизодически. Лишь в очень ограниченном числе исследований показана применимость стандартных, апробированных на электоральной статистике развитых стран, методов оценки влияния экономических параметров на политический выбор и в условиях России (Гамбарян М., Мау В., 1997; Кочеткова О., Нуреев Р., 2004; Мау В., Кочеткова О., Жаворонков С.; Хлопин А., 1997).

Формирование российской школы Public Choice происходит усилиями не только экономистов, но и политологов. Например, в политологической монографии Г. Голосова содержатся некоторые подходы, которые можно использовать для ранжирования величины издержек политически активного избирателя на участие в той или иной коалиции (Голосов Г., 1999).

Всё более актуальной для России становится экономическая теория конституции (см., например: Мау В., 1999), интерес к которой оживился после перевода на русский язык работ Дж. Бьюкенена, В. Ванберга, Я.-Э. Лейна, П. Козловски.

Под пристальным влиянием научного сообщества находится деятельность государственного аппарата (Российская повседневность..., 1996; Олейник А., 1997). В числе наиболее активно обсуждавшихся проблем был и остается поиск политической ренты и его особенности в переходной экономике (см., например: Заостровцев А., 2000). Плодотворно в этой области работают М. Левин, М. Цирик, В. Полтерович, В. Радаев, Я. Кузьминов, А. Заостровцев и др.

В середине 1990-х гг. на страницах ряда журналов прошла дискуссия по вопросам теории рационального выбора, в которой активно участвовали экономисты, социологи и политологи (Д. Грин, И. Шапиро, М. Фармер, Р. Швери, А. Шаститко и др.).

Уже в конце 1990-х гг. стал заметен разрыв между эмпирическими исследованиями российских экономистов, социологов и политологов, с одной стороны, и фундаментальными достижениями теории общественного выбора, с другой. Сократить его было можно, лишь написав отечественный учебник по теории общественного выбора, который стал бы теоретической основой для дальнейших конкретных эконометрических исследований в этой быстро развивающейся области. Эту задачу решил Р.М. Нуреев, опубликовав в 2002-2004 гг. в «Вопросах экономики» авторский учебный курс «Теория общественного выбора», который затем вышел отдельной книгой (Нуреев Р.М., 2005).

5). Экономико-правовое направление неонституциональных концепций представлено в трудах российских экономистов в своих обеих модификациях – как изучением влияния правовых норм на развитие легального, официального бизнеса, так и анализом незаконной, криминальной деятельности.

По проблемам экономической теории права (law and economics) ГУ-ВШЭ провел две международные научные конференции: первая состоялась в ноябре 1998 г., ее темой была роль

правовых институтов в развитии хозяйства (Право и экономика..., 1999), темой второй (декабрь 1999 г.) – институциональные границы вмешательства государства в экономику. Важной вехой в развитии российской традиции экономической теории права стала коллективная монография «Экономический анализ нормативных актов», соединяющая общетеоретический подход с анализом конкретных проблем отечественной переходной экономики (Экономический анализ..., 2001).

В отличие от собственно экономической теории права экономическая теория преступлений и наказаний (economics of crime and punishment) исследует экономическое "подполье" – мир за рамками «общественного договора», мир, где действуют преступники и борющиеся с ними стражи порядка⁸. Поскольку отечественные экономисты начали знакомство с экономической теорией преступлений и наказаний совсем недавно, примерно с 1997 г., то оригинальных исследований пока еще немного.

Некоторые общие идеи экономической теории преступлений и наказаний нашли отражение уже в публикациях 1997-1998 гг. (Латов Ю.В., 1997; Шаститко А., 1998, гл. 13). В 1999 г. в «Вопросах экономики» была опубликована специальная статья к 30-летию зарождения этой теории (Латов Ю.В., 1999). В 2001 г. появилась монография Ю.В. Латова «Экономика вне закона», которую можно считать первым опытом комплексного изложения современных подходов к теоретическому анализу проблем теневых экономических отношений (Латов Ю.В., 2001).

Успешно развиваются исследования по некоторым частным направлениям экономической теории преступлений и наказаний.

Получили широкую известность работы В.В. Волкова, посвященные анализу рэкет-бизнеса как силового предпринимательства (Волков В.В., 1999, 2002). Параллельно с ним криминальные аспекты в развитии российского бизнеса, но уже в экономико-культурологическом аспекте, как феномен «тюремной субкультуры», изучает А.Н. Олейник (Олейник А.Н., 2001, 2002). Исследования этих двух экономистов-криминологов замечательным образом взаимодополняют друг друга: если В.В. Волков объясняет развитие рэкета отсутствием спецификации и защиты прав собственности, то А.Н. Олейник объясняет повышенную потребность в услугах внешних правозащитников отсутствием доверия в отношениях между предпринимателями.

Л.М. Тимофеев опубликовал первое в России комплексное исследование по экономическому анализу оборота наркотиков (Тимофеев Л., 1998; см. также: Тимофеев Л., 1999, 2000). Кроме того, по инициативе Л.М. Тимофеева для консолидации экономистов-криминологов сотрудниками Центра по изучению нелегальной экономической деятельности (ЦИНЭД) организовано издание в Российском государственном гуманитарном университете журнала «Экономическая теория преступлений и наказаний»⁹.

В 1998 г. в журнале «Экономика и математические методы» была опубликована серия статей М. Левина, М. Цирик и В. Полтеровича, посвященных обзору различных подходов к объяснению причин коррупции и путей борьбы с нею (Полтерович В., 1998; Левин М., Цирик М., 1998). Их авторы осуществили классификацию существующих экономико-математических моделей коррупции, факторов, которые ведут к ее развитию. Лидером изучения российской коррупции является общественная организация «ИНДЕМ» (Фонд ИНДЕМ) под руководством Г.А. Сатарова, сотрудники которого подготовили много изданий по данной тематике (см., например: Россия и коррупция..., 1998; Коррупция и заработная плата, 2002; Антикоррупционная политика, 2004; и др.).

К экономической теории права близки очень интересные институциональные исследования такого уже практически изжитого феномена переходной экономики, как бартер (Макаров В., Клейнер Г., 1999; Яковлев А., 1999; и др.).

В 2004 г. издано, наконец, первое в России учебное пособие по law and economics – книга В.Л. Тамбовцева «Право и экономическая теория».

б). Неинституциональный подход к изучению исторических закономерностей – новая экономическая история – включает два направления. Клиометрики во главе с Робертом Фогелем анализ традиционных источников базируют на использовании экономико-математического инструментария. Последователи же Дугласа Норта применяют, прежде всего, принципиально новый для историков понятийный аппарат (права собственности, трансакционные издержки и

⁸ Строго говоря, экономическая теория преступлений и наказаний является подразделом того неинституционального направления, которое называют экономической теорией права (law and economics).

⁹ С 1999 г. подготовлено к печати 7 выпусков этого журнала, тексты которых открыты в Сети для свободного доступа.

т.д.). За рубежом оба эти методологических приема (экономико-математические методы и неинституциональный понятийный аппарат) все чаще объединяются. Яркий тому пример – работы Авнера Грейфа, изучающего формирование и развитие в средние века институтов, способствующих развитию коммерции, при помощи теории игр. Кроме того, в последние два десятилетия появилась «новейшая экономическая история» (П. Дэвид, Б. Артур), анализирующая проблемы QWERTY-эффектов и институциональных ловушек.

Среди российских исследователей наиболее популярно клиометрическое направление, возглавлявшееся академиком И.Д. Ковальченко (см.: Милов Л., 1996). В рамках школы Ковальченко стало развиваться связанное с теорией зависимости от предшествующего развития ретропрогнозное экономико-математическое моделирование исторических процессов (Бородкин Л., Свищев М., 1992).

«Нортовское» направление еще не завоевало в России особой популярности: отсутствие традиций правового общества препятствует осознанию важности правовых институтов для исторического развития. Первой «ласточкой» можно считать статью Ю. Латова и С. Ковалева, в которой показывается, что помещичье землевладение в условиях характерного для России конца XIX – начала XX вв. «двоеправия» стало генератором специфических негативных внешних эффектов, тормозящих развитие крестьянских хозяйств (Латов Ю., Ковалев С., 2000).

Точкой соприкосновения всех направлений институциональной экономической истории является интерпретация истории как чередования точек бифуркаций и полос движения по аттрактору. Эта возможность создать новую «большую теорию» социально-экономической истории, кажется, пока еще в полной степени не осознана даже за рубежом. В России данный подход находит выражение в последних публикациях Ю.В. Латова (Латов Ю., 2004).

Идеи «новейшей экономической истории» находят отражение также в дискуссиях о QWERTY-эффектах и институциональных ловушках. Впервые в России эту тематику начал разрабатывать в конце 1990-х гг. В.М. Полтерович. Он пришел к этой теме, изучая парадоксы постсоветской экономики, когда временные субституты (типа бартера) неожиданно начинали доминировать, в результате чего дальнейшее развитие шло не в сторону рынка, а в направлении псевдорыночных форм и воспроизводства неординарных отношений (Полтерович В., 1999). Весной 2005 г. в ГУ-ВШЭ в связи с 20-летием изучения проблем зависимости от предшествующего развития прошел международный симпозиум с участием самого Пола Дэвида и некоторых украинских институционалистов¹⁰.

Что касается теорий «старого» институционализма, то едва ли не единственным его представителем в России может показаться В.В. Иноземцев, создатель теории постэкономического общества как одной из разновидностей теорий постиндустриального общества (см., например: Иноземцев В., 1998). Эволюционная версия новой институциональной экономики активно пропагандируется В. Маевским (Маевский В., 1997, 2001, 2003).

Однако на самом деле влияние в России идей традиционного институционализма гораздо шире. Очень многие экономисты работают одновременно в обеих парадигмах – и «нового», и «старого» институционализма. Характерно, в частности, что организованному сотрудниками ГУ-ВШЭ симпозиуму (с параллельным обсуждением в Сети) по «новейшей экономической истории» П. Дэвида предшествовали аналогичные мероприятия, посвященные 60-летию публикации «Великой трансформации» К. Поланьи – одного из ведущих представителей именно «старого» институционализма. Очень плодотворным опытом соединения подходов «старого» и «нового» институционализма при анализе постсоветской экономики стала вышедшая двумя изданиями (в 2001 и 2003 гг.) коллективная монография «Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)» под редакцией Р.М. Нуреева.

В заключение обзора генезиса российского институционализма следует отметить появление уже в 1990-е гг. первых работ по истории институционализма (Ананьин О., 1999; Гугняк В.Я., 1999; Капелюшников Р.И., 1990; Нуреев Р.М., 2000; Фофанов А., 1998; и др.).

Институционализм в Украине

¹⁰ Параллельно с подготовкой симпозиума к 20-летию изучения зависимости от предшествующего развития на Федеральном образовательном портале «Экономика. Социология. Менеджмент» (<http://www.ecsocman.edu.ru>) в апреле-мае 2005 г. прошла сетевая конференция на ту же тему.

С некоторым отставанием от России, в Украине с конца 90-х резко возрастает интерес к институциональным проблемам экономики. Исследовательская программа институционализма, которая в начале и середине 90-х находилась на периферии научных интересов украинских ученых, становится одним из доминирующих направлений современной экономической теории в Украине. Популярность Хайека, Мизеса, Фридмана сменяется на популярность институционалистов (Коуза, Норта, Вильямсона и пр.). Это проявилось в резком возрастании числа монографий, диссертаций, научных статей, посвященных данной проблеме.

В течение нескольких последних лет украинскими авторами подготовлено целый ряд научных монографий, специально посвященных институциональной экономической теории: Архиреевым С.И., Чаусовским А.М., Прутской Е.А., Липовым В.В., Якубенко В.Д., О.Л. Яременко. В области институциональной теории активно работают А.А.Беляев, И.Бочан, М.В.Белоусенко, Т.Гайдай, В.М.Геец, А.А.Гриценко, В.В.Дементьев, М.И.Зверяков, М.А.Йохна, И.Й.Малый, О.Нестеренко, Р.Ф.Пустовийт, В.Н.Тарасевич, А.А. Чухно, другие авторы. Проблемы институциональной экономической теории начинают постоянно обсуждаться на страницах журналов «Экономика Украины», «Экономическая теория», «Экономика и право».

К настоящему времени определились следующие направления исследований в области институциональной теории в Украине.

Наибольшей популярностью пользуется, пожалуй, теория транзакционных издержек. Данное исследовательское направление связано в первую очередь с работами С.И.Архиреева. Автор анализирует понятие и классификацию транзакционных издержек, их экономическую роль, взаимосвязь с эффективностью производства и рыночным равновесием. Исследуется влияние институционального и социального капитала на особенности процессов рыночной трансформации, неравномерности их распределения между различными группами населения и неравенства в странах с переходной экономикой (Архиреев С.И., 2000).. Исследование проблемы транзакционных издержек продолжено автором в следующей работе, где предпринимается попытка разработать методологические основы для понимания границ транзакционного сектора (Архиреев С.И., 2003). При этом транзакционный сектор рассматривается им как особый институциональный сектор экономики. Предлагается деление транзакционного сектора на транзакционные отрасли экономики и внутрифирменный транзакционный сектор. Автор доказывает принципиальную возможность и практическую целесообразность проведения корректировки системы национальных счетов по институциональным секторам, позволяющей получить информацию об институциональном транзакционном секторе непосредственно из данных системы национальных счетов.

Проблемы транзакционных издержек, их классификации и измерения в условиях переходной экономики рассматриваются в работах Булеева И.П. (Булеев И.П., 2002). Объектом исследования являются также следующие проблемы: механизм формирования и влияния транзакционных издержек на экономическую цикличность (Кузьминов С.В., 2001), транзакционные издержки иностранного инвестирования (Семенова Т.В., 2001); транзакционные издержки финансово-промышленных групп (Чапала М.Г., Иванов А.Г., 2003), проблемы учета транзакционных издержек в деятельности субъектов хозяйствования (Замазий О.В., 2004); транзакционные издержки формирования и развития фондового рынка (Зінченко Я.В., 2004), транзакционные издержки экономической интеграции (Дугинец А.В., 2004); оценка транзакционных затрат предприятия (Макухін Г.А., 2005).

Целый ряд исследований связано с анализом влияния институтов на экономическое поведение. Особый интерес исследователей вызывают проблема соотношения и взаимодействия формальных и неформальных институтов в переходной экономике Украины.

А.М.Чаусовский обосновывает вывод о том, что характерной чертой переходных экономических систем является их деинституциональное состояние и сдвиг от формальных институтов к неформальности взаимодействий. С позиции автора неформальные институты структурно включают, во-первых, неформальные хозяйственные практики, генерируемые системой формальных институтов и, во-вторых, совокупность социальных норм, источником которых является культура. Доказывается, что конвергенция институтов возможна в том случае, если тенденция развития социопсихологических и социокультурных неформальных институтов совместима с логикой формальных правил. (Чаусовский А.М., 2001).

Особенности институциональной матрицы украинского общества рассматриваются Е.А.Прутской. Ею выдвигается идея о доминировании неформальных регуляторов в поведении

экономических агентов в Украине и то, что склонность к неформальности есть одно из главных препятствий в процессах рыночной трансформации. Показано, что институциональную природу современного украинского общества определяют процессы «деформализации правил», в результате которых формальные регуляторы оплетаются сетью неформальных отношений и перестают выполнять свои функции в автоматическом режиме (Прутська О.О., 2003).

Исследованию проблем трансформации институтов хозяйствования в Украине посвящена монография В.В.Липова. Им показана эволюция и раскрыт механизм влияния национальной культуры хозяйствования на социокультурную динамику мотивов хозяйствования. Предложены меры мотивационного механизма трансформации институтов хозяйствования (Липов В.В., 2004).

Ряд статей, посвященных анализу неформальных институтов, опубликован в журнале «Экономическая теория». Менталитет как категория институциональной экономики интересует О.А. Гриценко (Гриценко О.А., 2005). Институту доверия в экономике посвящены статьи Т.А.Кричевской (Кричевская Т.А., 2004) и В.М.Гееца (Геец В.М., 2005).

Вполне естественно, что в центре внимания украинских институционалистов находятся институциональные проблемы переходной экономики.

В 1998 г. О.Л. Яременко была выпущена монография «Институциональные основы переходных процессов в экономике» и защищена первая докторская диссертация в Украине по институциональным проблемам переходной экономики (Яременко О.Л., 1997). В качестве одних из первых работ в этом направлении в Украине необходимо упомянуть также статьи И.Й.Малого (Малий І.Й., 1997) и О.М.Лощихина (Лощихін О.М., 1999).

Исследованием институциональных проблем достаточно высокого уровня является монография В.Д.Якубенко, где раскрываются социально-экономическое содержание и роль базисных институтов – собственности, власти, управления, труда в структурообразовании институциональной подсистемы экономики. Особое внимание сосредоточено на характеристике базисных институтов в трансформационной экономике (Якубенко В.Д., 2004).

Интерес исследователей привлекают такие проблемы, как использование институционально-эволюционного подхода к исследованию трансформационных изменений в Украине (Биконя С.Ф., 2004; Гайдай Т.В., 2005), трансформационные процессы в экономике Украины в контексте новой институциональной теории (Круш П.В., Максименко И.А., 2003), роль институциональных детерминантов экономического роста в странах с переходной экономикой (Тамилина Л.В., 2005); институциональные противоречия и институциональные ресурсы переходной экономики (Носова О.В., 2004), институциональные факторы экономического роста в условиях перехода Украины к рынку (Сохецька А.В., 2003); институциональные составляющие формирования рыночной экономики (Беляев О.О., 2002, 2003).

Анализ институциональных ловушек переходной экономики проводится в работах Ляшенко В.И. Автор делает попытки выявить предпосылки возникновения ситуации институциональных ловушек и определить некоторые пути и направления их устранения. Им ставится задача построения на основе неинституциональной теории общей концепции возникновения экономических аномалий (Ляшенко В.И., 2005).

Значительное внимание в публикациях уделяется исследованию методологии институционального анализа и его эволюция и место в современной экономической теории.

Целый ряд работ нацелен на популяризацию институционализма и осознанию места институциональной экономической теории - как новой, так и традиционной - в современном экономическом анализе: аналитико-исследовательский потенциал неинституционализма (Гайдай Т.В., 2003); границы применения институционального анализа в экономической теории (Носова О.В., 2005); сущность, особенности и классификация основных институциональных концепций (Йохна Н.А., 2004); сравнительный анализ неоклассической и неинституциональной теорий (Пустовойт Р., 2005); институционализм как современная парадигма экономической науки исследуется (Нестеренко О., 2001); место институционализма в диалектике современного экономического развития (Новицкий В., 2005); институционализм как новая эпистемологическая стратегия политической экономии (Коврига А., 2003); социологические аспекты современного институционализма (Чернецький Ю., 2004).

Необходимо также отметить и попытку развить и расширить методологию институционального анализа, выдвинуть собственные концепции.

Прежде всего, вызывает интерес концепция институциональной архитектоники, предложенная А.А.Гриценко. Институциональная архитектоника рассматривается как глубинная

институциональная структура и общий эстетический план построения институтов. Институты, с позиции автора – это не просто элементы общества, а все общество, рассмотренное в соответствующем ракурсе (Гриценко А.А., 2003).

Отметим также концепцию базисных институтов: собственности, власти, управления, труда в структурообразовании институциональной подсистемы экономики, развиваемую Савчуком В.С. и Якубенко В.Д. (Савчуком В.С. и Якубенко В.Д., 2005).

Заслуживают внимания работы В.Н.Тарасевича, посвященные методологическим проблемам институциональной теории, а также исследованию ранних этапов институциональной эволюции (Тарасевич В.Н., 2004, 2005).

Методологические основы институциональной теории, в частности теория рационального поведения рассматривается в работах Е.В.Клишовой (Клишова Е.В., 2005).

Активно развивается исследование отраслевых и прикладных аспектов институциональной теории. В качестве объекта новой институциональной теории рассматриваются система образования (Тимошенко И.В., Нащекиной О.Н., 2005); институциональные проблемы и институциональные адаптации финансового рынка (Носова О.В., 2004); институциональные предпосылки трансформации аграрного сектора Украины (Юхименко П.И., Безпечна И.В., 2005; Лопатинский Ю.А., 2004); институциональные проблемы предпринимательского сектора (Сараева И.Н., 2002); институциональные основы рыночной инфраструктуры (Ткач А.А., 2005); проблемы инновационного развития экономики (Шовкун И.А., 2004). Институциональный подход к исследованию частного сектора экономики использует И. Бочан (Бочан I., 2000); институты распределения экономических факторов производства (Малый И.Й., 2004).

В отличие от общих проблем институциональной теории и институциональных проблем переходной экономики исследования в таких областях, как теория экономических организаций менее популярны среди украинских институционалистов.

В этой области специализируется М.Белоусенко. В основании разрабатываемой общей теории экономической организации (фирмы) лежит представление о взаимодействии и неразрывности организационной структуры организации и ее технологического ядра. Отсюда вытекает положение о том, что не только трансакционные издержки, но и вся сумма издержек производства зависит от организационной структуры, и что все издержки являются организационно-специфическими, зависящими от типа организационной структуры (Белоусенко М.В., 2004, 2005).

В литературе исследуются также отдельные аспекты экономической теории организаций: институциональная специфика внутрифирменных отношений «принципал-агент» (Пустовийт Р.Ф., 2005); моделирование кооперации субъектов взаимоотношений «принципал – агент – контролер» (Соколовский Д.Б.); организационная культура микросистем (Усачева В.В., 2005); институциональные аспекты корпоративного управления (Назарова Г.В., 2004).

Относительно слабо представлены в украинской научной литературе такие направления, как теория общественного выбора, институциональная теория государства, конституционная экономика.

В этой области институциональных исследований можно отметить учебное пособие по основам теории общественного выбора, подготовленное И.Бочаном (Бочан I., 1998), а также ряд работ по отдельным проблемам общественного выбора: эколого-экономические отношения в системе общественного выбора (Євтушенко В.А., 2003); общественный выбор при формировании бюджетного механизма (Карасева Ю.М., 2003); рынок институтов в контексте общественного выбора (Курносенко М., 2002); общественный выбор и бюджетный процесс (Дерлица А.Ю., 2003); демократия и общественный выбор (Круш П.В., 2004).

Проблемы ренто-ориентированного поведения и коррупции рассматриваются Е.А.Прутской, В.В.Дементьевым, В.И.Ляшенко, О.В.Носовой.

Экономико-правовое направление развивается главным образом в направлении анализа проблем теневой (нелегальной) экономики. Эти проблемы нашли отражение в монографических исследованиях А.В.Турчинова, В.М. Поповича, В.О. Мандыбуры, А.В.Базилук и С.А.Коваленко.

Обратим внимание на интересные работы В.Вишневого и А.Веткина, рассматривающие модель рационального выбора налогоплательщика, принимающего решения об уклонении от уплаты налогов. В частности обосновывается, что снижение ставок налогов не имеет большого значения для сокращения масштабов уклонения и для этого следует повысить издержки

функционирования посредников и уменьшить уровень коррупции в стране (Вишневский В., Веткин А., 2003).

Институциональные проблемы теневой экономики нашли отражение в работах Т.В.Меркуловой (институциональные аспекты налогового поведения) (Меркулова Т.В., 2005); Н.И.Ткаченко и Е.Г.Самойленко (институциональные аспекты функционирования монополий и теневой ренты в природопользовании) (Ткаченко Н.И., Самойленко Е.Г., 2005); Д.Б.Соколовского (факторы возникновения нелегальности во внутрифирменных отношениях) (Соколовский Д.Б., 2003); Холода Н.И. (незавершенность институциональной среды и негативные процессы в сфере распределения доходов) (Холод Н.И., 2005); Йохны М.А. (неоинституциональная теория нелегальной экономики: сущность и возможности использования для преодоления кризисных явлений в Украине) (Йохна М.А., 2003); Самойленко Е.Г. (классификация и структуризация теневой экономики) (Самойленко Е.Г., 2003).

Можно утверждать, что в Украине в качестве самостоятельного научного направления оформилась такое направление институциональных исследований, как теории экономической власти. Прежде всего, речь идет о монографиях Г.В. Задорожного и В.В. Дементьева. Внимание авторов привлекают также такие проблемы, как соотношение труда, собственности и власти (Гриценко А.А., 2003); власть в корпоративном управлении (Тарасенко А.В., 2005); фактор власти в экономике (Прутська О.О., 2003); экономическая власть и безопасность (Беляев А.А., Синельник А.В., 2004), дисциплинарная власть и ее влияние на развитие трудового коллектива (Лутай Л.А., 2005), заемный капитал и экономическая власть (Гурнак А.А., 2003), финансовая власть (Масюк Л.В., 2000). Отдельные проблемы распределения власти в корпорациях исследуются в монографии Г.В.Назаровой (Назарова Г.В., 2004).

Институциональные проблемы собственности в постсоветской экономике рассматриваются в монографиях И.В.Лазни, В.А.Рыбалкина, Г.М.Григоряна, Л.Ю.Мельника и Н.Х.Корецкого, Фесечко В.В. Отдельные аспекты данной проблемы изучаются В.О.Мандыбурой, Мартиенко А.И., И.Й.Малым, Н.В.Чесноковой, Г.В.Задорожным и другими авторами.

Собственность является достаточно традиционной темой исследования для отечественных экономистов, и поэтому литература по данной проблеме довольно обширна. Практически ни одна публикация в этой области не обходится без ссылок на теорию прав собственности. Вместе с тем оригинальных исследований в области распределения прав собственности, выполненных в неоинституциональном ключе, немного.

Целью настоящего обзора не является оценка или сопоставление глубины исследований, проведенных различными авторами, и тем более, оценка истинности тех или иных теоретических положений. Наша задача состоит в том, чтобы получить общую картину состояния институциональных исследований в Украине и попытаться дать общую оценку этого состояния.

Можно констатировать тот факт, что институциональная экономическая теория представляет к настоящему времени одно из ведущих направлений в украинской экономической мысли. Об этом говорит количество издаваемых работ и диссертаций, защищаемых по проблеме. Библиография работ, опубликованных в Украине по проблемам институционализма за последние годы, превышает 200 наименований. Редкая диссертация или монография в области экономической теории обходится без использования термина «институт» или прилагательного «институциональный».

Институциональное направление в Украине находится в стадии становления. Отсюда неизбежные, но вполне преодолимые со временем, «болезни роста». Это выражается, в частности, в не изжитом до конца «ученическом» характере ряда публикаций, отсутствии обобщающих работ в области институциональной теории, а также учебных пособий, посвященных систематическому изложению институционального подхода. К слабостям работ в области институциональной теории можно отнести отсутствие, за редким исключением, эмпирической проверки выдвигаемых гипотез, уровень и качество использования математического аппарата анализа.

Этим также объясняется и своеобразный характер методологии постсоветского институционализма. Так, методологические различия между новой и традиционной (старой) институциональными теориями, имеющие принципиальное значение для разграничения указанных исследовательских программ на западе, не имеют столь существенного значения для представителей постсоветского (украинского) институционализма. Единство предмета исследования (институты и их совершенствование) имеет более существенное значение, чем различия в методах и инструментарии исследования (индивидуализм или холизм, рациональный

выбор или отрицание рациональности и пр.). Отсюда уже подмеченное в литературе отсутствие четкого различия между новой и традиционной институциональной теорией в исследованиях отечественных институционалистов. Более того, в ряде публикаций предпринимаются прямые попытки соединить неоинституциональную и традиционную институциональную теорию в виде институционально-эволюционного подхода (Гайдай Т., 2005; Биконя С., 2004).

Одним из последствий такой ситуации является определенная «размытость» методологии исследования во многих работах украинского институционализма и использование описательных методов анализа. Отсюда нередко встречающаяся близость методологии постсоветского институционализма к традиционному институционализму, даже при декларированной приверженности к неоинституциональному направлению.

Организационная консолидация постсоветских институционалистов.

Весьма серьезным барьером для утверждения данной парадигмы в постсоветских странах, безусловно, является отсутствие организационного единства и специализированных периодических изданий, где бы систематизировано обсуждались проблемы институциональной парадигмы.

Хотя в России до сих пор нет единого организационно сплоченного сообщества экономистов-институционалистов, однако уже сложилось несколько центров институциональных исследований.

Наиболее важным центром является, пожалуй, московский Государственный Университет – Высшая Школа Экономики, где кафедру институциональной экономики возглавляет Р.М. Нуреев. В ГУ-ВШЭ издается альманах «Истоки», чьи публикации посвящены в основном именно институциональной тематике. Помимо ГУ-ВШЭ в Москве есть еще два очень сильных центра институциональных исследований – это руководимая А.А. Аузаном кафедра институциональной экономики экономического факультета МГУ и возглавляемый В.И. Маевским Центр эволюционной экономики при Институте экономики РАН.

За пределами Москвы есть только два относительно известных институциональных центра – в Санкт-Петербурге и в Ростове-на-Дону. На факультете менеджмента СПбГУ возникла группа по изучению неоинституциональной экономики во главе с А. Деминым и В. Каткало, которая, в частности, опубликовала серию работ по экономике фирмы¹¹ Очень важным является издание с 2003 г. ежеквартального журнала «Экономический вестник Ростовского университета», публикации которого носят последовательно институциональную направленность. Однако региональный характер издания этого журнала заметно препятствует его институционализации как ведущего периодического издания постсоветского институционализма.

В Украине научными центрами, где ведутся исследования в области институциональной теории, являются Харьковский национальный университет им В.Н.Каразина, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, Киевский национальный экономический университет, Киевский национальный университет, Донецкий национальный технический университет, Донецкий национальный университет, Львовский национальный университет.

В Донецком национальном техническом университете, начиная с 2003 г., проводится ежегодная международная научная конференция «Проблемы современной экономики и институциональная теория». При этом число участников конференции, выступающих по проблемам институциональной экономической теории, возрастает от года к году. По результатам конференции издано три выпуска сборника «Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия экономическая»¹², посвященных теоретическим и прикладным аспектам современного институционализма.

Теоретической площадкой, где постоянно обсуждаются институциональные проблемы, стал, издаваемый с 2004 года, журнал «Экономическая теория» (гл. редактор А.А.Гриценко).

¹¹ Первой книгой этой серии стали «Уроки организации бизнеса» (СПб., 1994). Далее последовал перевод книги О. Уильямсона «Экономические институты капитализма» (СПб., 1996) и другие работы.

¹² Библиография и опубликованные в сборнике материалы размещены на <http://www.donntu.edu.ua>. Адрес редакции: energo-eco@rambler.ru. Кроме того, сборник регулярно поступает в ИНИОН, ВИНТИ, государственные библиотеки России, Беларуси, и других стран СНГ, библиотеки ведущих ВУЗов.

Идея издания настоящей книги возникла в процессе общения группы единомышленников, занимающихся развитием институциональной теории и ее адаптацией к реалиям переходной постсоветской экономики в России и Украине. Хотя издание готовили совместно сотрудники Донецкого национального технического университета и Государственного университета – Высшей школы экономики, его авторами являются экономисты не только Донецка и Москвы, но и многих других городов Украины и России. Статьи этой книги подобраны таким образом, чтобы дать представление обо всех (или хотя бы о наиболее важных) направлениях институциональных исследований последнего десятилетия. Инициаторы и авторы не претендуют на полноту охвата всех направлений работы в области институциональной теории, на законченность выводов и в целом на энциклопедичность изложения.

В развитии любого научного направления большую роль играет общение сподвижников, прежде всего личное общение активно работающих специалистов. Книга, которую читатель держит в руках, является первым опытом практической консолидации постсоветских институционалистов России и Украины. Издатели намерены регулярно издавать подобного рода сборники, привлекая к их формированию экономистов-институционалистов всех постсоветских государств. Подготовка таких изданий должна стать важным фактором консолидации институционалистов разных стран, городов, учреждений, перед которыми стоят во многом схожие задачи и послужить не только развитию институциональной теории, но и внедрению ее результатов в экономическую жизнь в интересах гармонизации социально-экономического развития общества.